

Н.П. Волкова

АРИСТОТЕЛЬ О ЗАПАХЕ И ОБОНЯНИИ*

Волкова Надежда Павловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: go2nadya@gmail.com

Статья посвящена проблеме восприятия запаха в психологии Аристотеля. Аристотель определяет ощущение через его предмет. В случае обоняния сделать это сложно, потому что у людей оно развито плохо. Кроме того, проблемой является и сам предмет обоняния, поскольку запах, согласно Аристотелю, появляется у вещей только при определенных условиях. Цель этой работы – рассмотреть основные аспекты учения Аристотеля о запахе и обонянии. Особое внимание в статье уделяется следующим темам. Во-первых, вопросу о природе обоняемого: 1) что имеет в виду Аристотель, когда определяет запах и вкус как «почти одно и то же претерпевание»; 2) почему запах является ἔϋχομον ξηρόν, а не ἔϋχομον ὑγρόν; 3) какое свойство воды и воздуха будет определяющим для появления запахов. Во-вторых, вопросу о видах запахов. В-третьих, вопросу о строении органа обоняния. И, в-четвертых, вопросу о месте обоняния среди других чувств. В статье показано, что: 1) хотя Аристотель дает близкие определения запаху и вкусу, они не сводятся к чему-то одному; 2) роль передающей среды является определяющей для их различения; 3) аналогия между видами вкусов и видами запахов носит условный характер; 4) названные в трактате «Об ощущении и ощущаемом» два вида обоняемого не могут иметь одну природу; 5) многие трудности в определении запаха и обоняния связаны со специфической ролью обоняния, которую оно играет среди других чувств.

Ключевые слова: Аристотель, «О душе», «Об ощущении и ощущаемом», чувство, обоняние, запах

Для цитирования: Волкова Н.П. Аристотель о запахе и обонянии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 3. С. 36–55.

Обоняние – одно из пяти чувств, которое Аристотель рассматривает в 9-й главе II книги трактата «О душе» и в 5-й главе трактата «Об ощущении и ощущаемом». Первыми среди ощущений Аристотель изучает зрение и слух,

* Выражаю свою особую благодарность С.В. Месяц, руководителю семинара «Энтелехия живого тела», проходившего в Институте философии РАН с сентября 2015 по январь 2022 г., и всем его участникам. Эта работа не была бы возможна без обсуждений, которые там велись.

поскольку они вносят наибольший вклад в высшую жизнь животных. Исследование их механизмов показало, что зрению и слуху необходима передающая среда, без которой они ничего не могут воспринимать, поэтому такие чувства называются дистантными. Обоняние также является дистантным чувством, но оно более тесно связано с контактными чувствами, потому что, согласно Аристотелю, возникает проблема с определением предмета обоняния – запаха, которую он объясняет недостаточной развитостью у людей этого чувства. Чтобы решить эту проблему, Аристотель определяет запах через вкус, потому что человек различает вкусы намного лучше, а вкус в свою очередь является формой осязания. Таким образом, обоняние оказывается своего рода связующим звеном между дистантными и контактными чувствами (*De Sensu* 445a 4–16) и в списках из пяти чувств обычно помещается посередине (*De Anima* 424b 23). Наличие такого промежуточного чувства, как отмечает Р. Полански, косвенным образом указывает на некий естественный порядок и полноту набора из пяти чувств¹. Однако сведение запахов ко вкусам приводит к значительным трудностям и противоречиям в описании способа возникновения и передачи пахнущего. Т.К. Йохансен отмечает, что Аристотелю приходится пользоваться «смешанной методологией»: обоняние несет в себе черты как дистантных, так и контактных чувств, так что в итоге предметом обоняния оказывается осязаемое (сухое, имеющее вкус), но передаваемое через среду².

Общие принципы теории восприятия

Чтобы понять, как устроена обонятельная способность, необходимо кратко рассмотреть общие принципы теории восприятия Аристотеля³.

Аристотель определяет ощущение как движение. Ощущение возникает тогда, когда ощущающее приводится в движение (*κινεῖσθαι*) и нечто испытывает (*πάσχειν*) от ощущаемого (*De Anima* 416b 32–34). В случае дистантных чувств движение от ощущаемого к ощущающему передается через внешнюю среду, которая сама приводится в движение и нечто испытывает под действием ощущаемого. Среда в свою очередь воздействует на соответствующий орган, который изменяется из состояния возможности в действительность. Это взаимодействие оказывается возможным потому, что ощущаемое по отношению к ощущающему является бытием в действительности и формой. Ощущающее, со своей стороны, воспринимает форму ощущаемого предмета, но без его материи: «Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что способно воспринимать формы ощущаемого без материи, подобно тому, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота» (Там же. 424a 17–18)⁴. На передающую среду также воздействует только форма ощущаемого. Все ощущаемое можно

¹ Polansky R. Aristotle's *De Anima*: A Critical Commentary. Cambridge, 2007. P. 302.

² Johansen T.K. Aristotle on the sense-organs. Cambridge, 1997. P. 242–244.

³ Месяц С.В. Аристотелевская теория ощущения: конфликт интерпретаций // Историко-философский ежегодник. 2017. № 2017. С. 5–20.

⁴ Здесь и далее греческий текст трактата «О душе» цитируется по изданию: Aristotle. *De anima* / Ed. by W.D. Ross. Oxford, 1961, а перевод, если не указано иное, по: Аристотель. О душе / Пер. П.С. Попова под ред. М.И. Иткина // Аристотель. Сочинения. Т. 1. М., 1976. С. 369–448.

представить как пару противоположностей, а именно форму и ее лишенность. Например, цвет – предмет зрения – представляет собой пару противоположностей: белое и черное, или цвет и его отсутствие, из смешения которых рождается все многообразие цветов⁵. В случае вкуса и обоняния такой парой противоположностей будут сладкое и горькое.

В итоге Аристотель определяет ощущение как среднее (*τὸ μέσον*) между противоположностями, т.е. орган восприятия должен воспроизвести ту же пропорцию физических качеств, которая имеется в вещи⁶. Например, рука способна ощущать тепло или холод от прикосновения до тех пор, пока температура тела не сравняется с температурой осязаемого предмета (Там же. 424a 2–5).

Трудность в определении обоняния

Аристотель разделяет объективно существующее свойство предмета и то, что мы воспринимаем, поэтому ощущаемое существует как в возможности, так и в действительности. Ощущаемое в возможности представляет собой объективно существующее физическое свойство предмета. Поскольку предмет ощущения первичен по отношению к чувству, то ему первому нужно дать определение: «При рассмотрении каждого отдельного чувства сначала нужно рассмотреть воспринимаемое» (*De Anima* 418a 7–8). Однако в случае обоняния Аристотель начинает не с предмета ощущения, а с предупреждения о тех трудностях, с которыми мы сталкиваемся при его изучении. Главной трудностью является невозможность точно определить обоняемое: «Что касается запаха и обоняемого (*ὄσμη̄ς καὶ ὄσφραυτοῦ*), то определить их не так легко, как цвет и звук. Ведь что такое запах (*ἡ ὄσμη̄*) – это не столь ясно, как то, что такое звук или цвет» (Там же. 421a 7–9).

Из античных комментариев к 9-й главе II книги «О душе» сохранились тексты Филопона⁷ и Пс.-Симпликия⁸. Уже Филопону не было понятно, что Аристотель имеет в виду в строке 421a 7 под *ἡ ὄσμη̄* – запах или обоняние. С одной стороны, в пользу обоняния говорит тот факт, что, разбирая зрение и слух, Аристотель начинал с того, что сначала называл чувство и его предмет. Поэтому и здесь речь должна идти об обонянии и обоняемом. С другой стороны, отмечает Филопон, Аристотель чаще всего употребляет *ἡ ὄσμη̄*

⁵ *Месяц С.В.* Аристотель о природе цвета // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1 (2). С. 28–39.

⁶ *Polansky R.* Aristotle's *De Anima*. P. 332–337.

⁷ *Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria* // *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. XV. Berlin, 1897. P. 1–607. Перевод: *Charlton W.* Philoponus: On Aristotle On the Soul 2.7–12. London; New York, 2014. P. 71–75.

⁸ *Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria*. P. 1–329. Споры о том, принадлежит ли этот комментарий к «О душе» Симпликию, ведутся до сих пор. Хикс считал, что автор этого комментария Симпликий, и ссылается на него в своем издании «О душе» (*Aristotle. De Anima* / Ed. and tr. by R.D. Hicks. Cambridge, 1907). Такого же мнения придерживалась Адо (*Hadot I.* Simplicius or Priscianus? On the Author of the Commentary on Aristotle's *De Anima* (CAG XI): A Methodological Study // *Mnemosyne*. 2002. Vol. 55 (2). P. 159–199). Стил, со своей стороны, привел весьма убедительные аргументы в пользу авторства Присциана (*Priscian. On Theophrastus On Sense-Perception with Simplicius* «On Aristotle On the Soul 2.5–12». London, 1997. P. 105–140).

как общее имя для различных запахов, а для обоняния использует другой термин – ὄσφρησις. Кроме того, уже в следующей строке под ἡ ὄσμη имеет-ся в виду именно запах. В отличие от П.С. Попова⁹, большинство современных переводчиков считают, что Аристотель в этом отрывке сначала называет чувство и его предмет (К.Д. Хикс¹⁰, В.С. Хетт¹¹, Т.К. Йохансен¹², Р. Полански¹³, К. Шилдс¹⁴, В. Тайлер¹⁵ и многие другие), а потом переходит от обоняемого в действительности (ὄσφραυτόν) к обоняемому в возможности, т.е. к запаху (ὄσμη). Полански объясняет такой переход от чувства к его предмету тем, что таким быстрым переключением внимания Аристотель хочет дать понять читателю, что неясность предмета чувства влечет неясность в определении самого чувства и наоборот¹⁶.

Причину трудности в определении запахов Аристотель видит в слабости нашего чувства обоняния, которая связана с недостаточной развитостью у нас соответствующего органа:

Причина этого в том, что это чувство у нас не точно (ἀκριβῆ), хуже, чем у многих животных. В самом деле человек обладает слабым обонянием и не воспринимает обоняемое без удовольствия и страдания, так как хорошо не развит орган восприятия (οὐκ ὄντος ἀκριβοῦς τοῦ αἰσθητηρίου) (De Anima 421a 9–13)¹⁷.

Он сравнивает человеческую способность обонять со способностью видеть у животных с твердыми глазами, т.е. у тех, что лишены век и имеют для защиты глаз плотную оболочку, к каковым относятся прежде всего насекомые, а также ящерицы. Видят они смутно и способны различать глазами только опасное или неопасное. Так и человек, обоняя, способен различать пахнущее только потому, что оно приятное и неприятное. А значит, мы не знаем о том объективном свойстве, которое стоит за обоняемым, а только о том воздействии, которое на нас оказано. Аристотель объясняет недостаточную точность, или тонкость, обоняния неточностью, или недостаточной развитостью, нашего органа чувства (Там же. 421A 11–13). Хотя Аристотель прямо этого не говорит, но можно сделать вывод о том, что из-за того, что орган обоняния находится близко к головному мозгу и является холодным, он медленно реагирует на оказываемые на него воздействия и неточно воспроизводит нужную пропорцию воспринимаемых противоположностей. Поскольку орган чувства представляет собой реализацию конкретной душевной способности, то она в свою очередь также оказывается слабой и неточной. Кроме того, люди могут обонять только вдыхая, что дополнительно указывает на тот факт, что обоняние нуждается во внешней помощи для своего осуществления.

В итоге в трактате «О душе» Аристотель предлагает следующее решение: он определяет запах через вкус, после чего предлагает классификацию

⁹ Также в редакции Иткина.

¹⁰ Aristotle. De Anima / Ed. and tr. by R.D. Hicks. P. 91.

¹¹ Aristotle. On the Soul. Parva Naturalia. On Breath / Trans. by W.S. Hett. Cambridge (MA), 1957. P. 119.

¹² Johansen T.K. Aristotle on the sense-organs. P. 226.

¹³ Polansky R. Aristotle's De Anima. P. 303

¹⁴ Aristotle. De Anima / Trans. by Ch. Shields. Oxford, 2016. P. 41.

¹⁵ Aristoteles. Über die Seele / Übers. von W. Theiler. Berlin, 1959. S. 51.

¹⁶ Polansky R. Aristotle's De Anima. P. 303.

¹⁷ Пер. П.С. Попова под ред. М.И. Иткина с изменениями.

вкусов¹⁸. Оно кажется ему весьма удачным, потому что вкус связан с осязанием, а осязание чуть ли не ключевое для людей ощущение, потому что именно состояние плоти определяет способности человека:

По-видимому, обоняние имеет сходство с вкусовым ощущением и виды вкуса подобны видам запаха (ὁμοίως τὰ εἶδη τῶν χυμῶν τοῖς τῆς ὀσμῆς), но наше вкусовое ощущение совершеннее потому, что вкус есть своего рода осязание (ἀφήν τινά), а этим чувством человек владеет наиболее совершенно. В других чувствах человек уступает многим животным, а что касается осязания, то он далеко превосходит их в тонкости (ἀκριβεστάτην) этого чувства. Именно поэтому человек есть самое разумное из всех живых существ (De Anima 421a 16–23).

Изменение среды

Если в «О душе» Аристотель только предположительно говорит об аналогии между обонянием и вкусом, то в «Об ощущении и ощущаемом» прямо сводит обоняние ко вкусу:

Запах и вкус представляют собой практически одно и то же претерпевание (σχεδὸν γάρ ἐστὶ τὸ αὐτὸ πάθος), но каждый из них существует не в одних и тех же [средах] (οὐκ ἐν τοῖς αὐτοῖς δ' ἐστὶν ἐκάτερον αὐτῶν). Более ясен для нас род вкусовых, нежели обонятельных, ощущений (De Sensu 440b 29 – 441a 4)¹⁹.

Аристотель определяет запах и вкус как сходные претерпевания (πάθη), или изменения, но изменения чего? Ощущающего или передающей среды? Сказано только, что каждый из них существует «не в одних и тех же». В комментарии к «Об ощущении и ощущаемом» Александр Афродисийский предполагает, что речь идет не о претерпевании органа чувства, а о претерпевании среды:

Сначала скажем о запахе и вкусе, один из которых есть ощущаемое для обоняния, а второй – для вкусового ощущения. Он (Аристотель. – *Н.В.*) указал на причину того, почему упоминает их вместе, сказав: «...ведь это почти одно и то же претерпевание, но не в одних и тех же [средах]». Одно и то же претерпевание, потому что ему кажется, что вкус и запах возникают тогда, когда сухое во вкусах смывается и как бы растворяется во влажном (ὁ χυμὸς καὶ ἡ ὀσμὴ ἐναποπλυνομένου καὶ ὡς περ ἀποματτομένου τοῦ ἐν χυμοῖς ξηροῦ ἐν τῷ ὑγρῷ γίνεσθαι), но и не одно и то же, потому что вкус возникает в воде, а запах в основном в воздухе, хотя и в воде тоже. Но и это он показывает, продолжая рассуждать о них, говоря, что они почти одно и то же претерпевание, то есть что каждое из этих качеств возникает через подобное претерпевание. Будучи подобными, они и возникают

¹⁸ Согласно современным научным представлениям, скорее вкус зависит от запаха, чем наоборот, потому что человек различает намного большее число ароматов, чем вкусов. По существу, в зависимости от социокультурной среды выделяют четыре или пять основных вкусов, а все остальное их многообразие возникает за счет обоняния.

¹⁹ Здесь и далее греческий текст трактата «Об ощущении и ощущаемом» цитируется по: Aristotle. Parva Naturalia / Ed. by W.D. Ross. Oxford, 1955, а перевод по: *Аристотель. Об ощущении и ощущаемом* / Пер. с древнегреч. С.В. Месяц // Мера вещей: человек в истории европейской мысли. М., 2015. С. 530–582.

подобным образом, он добавляет причину, почему вкус более ясен нам, чем запах...» (*Alexander. In de sensu*, 66, 1, 22–24, пер. мой. – Н.В.)²⁰.

Д. Росс считает, что интерпретация Александра верна, т.е. речь идет о средах, а не об органах чувств. Рассмотрим сначала вкус (*χρῆσις*), поскольку он представляется Аристотелю более ясным. Вкус появляется после растворения сухого во влажном:

...вкус – это претерпевание, возникающее во влажном под воздействием упомянутого сухого (*ὄντο τοῦ εἰρημένου ξηροῦ πάθος ἐν τῷ ὑγρῷ*) и способное изменить орган вкуса из возможности в действительность» (*De Sensu* 441b 19–21).

Без влаги ощущаемого на вкус вообще не существует; чтобы тело обрело вкус, оно должно быть увлажнено, например, водой или слюной. Более того, Аристотель говорит, что сухое является формой вкуса, а ощущаемое на вкус – это уже сочетание формы и материи, потому что мы ощущаем на вкус не сухое, а влажное, в котором вкус растворен: «Тело со вкусовыми свойствами, т.е. ощущаемое на вкус, содержится во влажном как в своей материи» (*De Anima* 422a 9–1). Таким образом, произошедшее изменение влажного носит объективный характер, потому что имеет место возникновение нового качества – ощущаемого на вкус.

Запах, как и вкус, возникает тогда, когда сухое смывается и как бы растворяется во влажном. Из этого следует, что проблема с определением запаха шире, чем недостаточное развитие наших органов чувств, она состоит еще и в том, что запах – это не такое свойство предмета, которое ему всегда присуще, но такое, которое возникает в определенных средах. Средами для появления пахнущего могут служить воздух и вода, потому что они обе влажные. Аристотель специально приводит несколько аргументов в пользу того, что рыбы и панцирные животные обоняют. Поэтому его уточнение о том, что претерпевания в случае запаха и вкуса не вполне идентичны, Александр понимает так: если вкус возникает только в воде, то для запаха передающей средой могут выступать как вода, так и воздух. Такого рода объяснение ранее уже предложил Теофраст в трактате «О причинах растений»:

Вкус есть смешение сухого и землистого с влажным или просачивание сухого через влажное под действием теплого (*ἐναλόμιξις ἢ διήθησις*)... А запах есть [просачивание] сухого, присутствующего во вкусе, в прозрачном, которое является общим свойством воздуха и воды. И почти одно и тоже претерпевание у вкуса и запаха, но каждый не в одних и тех же средах (*Theophrastus. De causis plantarum*, 6, 1, 1, 6–11, пер. мой. – Н.В.)²¹.

²⁰ Alexandri in librum de sensu commentarium // *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. III (1) / Ed. P. Wendland. Berlin, 1901. P. 1–173. Перевод: *Towey J.A. Alexander of Aphrodisias On Aristotle On Sense Perception*. London; New York, 2014.

²¹ *Theophrasti Eresii opera, quae supersunt, omnia* / Ed. F. Wimmer. Lipsae, 1854. P. 192–319.

Природа запаха как сухого

Итак, запах возникает при взаимодействии сухого с влажным:

Точно так же следует рассуждать и о запахах, поскольку действие, производимое сухим во влажном (ἐν τῷ ὑγρῷ τὸ ξηρόν), обладающая вкусом влага (τὸ ἔχχυμον ὑγρόν) производит в ином роде, одинаково в воздухе и в воде (ἐν ἄλλῳ γένοιτο τὸ ἔχχυμον ὑγρόν, ἐν ἀέρι καὶ ὕδατι ὁμοίως) (De Sensu 442b 27–29).

Исходя из этого фрагмента, запах можно интерпретировать как продолжение размывания вкуса во влаге. Хотя часть рукописей дает другое чтение: ἐν τῷ ξηρῷ τὸ ὑγρόν вместо ἐν τῷ ὑγρῷ τὸ ξηρόν, – Росс отказывается их учитывать из-за бессмысленности определения вкуса как влажного в сухом и понимает этот фрагмент именно так²². Например, запах моря возникает тогда, когда морская соль сначала растворяется в воде, а уже потом морская вода размывается дальше в окружающем воздухе. Однако ниже Аристотель говорит, что к появлению запаха приводит размывание в воде и воздухе обладающего вкусом сухого, а не обладающего вкусом влажного:

Поэтому если принять, что воздух и вода оба влажные, то запахом будет присутствующая во влаге природа обладающего вкусом сухого, и то же самое будет обоняемым (ἢ ἐν ὑγρῷ τοῦ ἔχχυμου ξηροῦ φύσις ὁσμῆ, καὶ ὁσφραντὸν τὸ τοιοῦτον) (De Sensu 443a 5–10).

И то же самое он повторяет еще раз в строках 443b 3–5, где источником, приводящим к появлению запаха в воздухе и воде, оказывается «обладающая вкусом сухость» (τῆς ἐχχύμου ξηρότητας). Кроме того, определение запаха как влажного противоречит определению запаха как сухого, данного в «О душе»: «Запах вызывается сухим, как вкус – влажным; таков же в возможности и орган обоняния» (422a 6).

Чтобы избавиться от этого текстуального противоречия, Й. Нойхаузер первым предложил в строке 442b 29 заменить ἔχχυμον ὑγρόν на ἔχχυμον ξηρόν²³, опираясь на издание текста комментария Александра к трактату «Об ощущении и ощущаемом» Ш. Туро²⁴. Йохансен, в свою очередь, вообще убирает τὸ ἔχχυμον ὑγρόν, ссылаясь на манускрипт (L), один из 12 полных манускриптов «Об ощущении и ощущаемом», в котором оно отсутствует. В итоге текст Йохансена выглядит так:

претерпевание, производимое сухим во влажном, производится им и в средах иного рода – одинаково в воздухе и воде (ὅτι γὰρ ποιεῖ ἐν τῷ ὑγρῷ τὸ ξηρόν τοῦτο ποιεῖ ἐν ἄλλῳ γένοιτο ἐν ἀέρι καὶ ὕδατι ὁμοίως)²⁵.

Александр Афродисийский в комментарии к этому фрагменту отмечает, что ἔχχυμον ὑγρόν и ἔχχυμον ξηρόν можно понимать одинаково:

Сказав сначала, что запахи в воздухе и воде производит обладающая вкусом влага, теперь он говорит о той же самой влаге как об обладающей

²² Aristotle. *Parva Naturalia* / Ed. by W.D. Ross. P. 212–213.

²³ Neuhäuser J. *Aristoteles Lehre von dem sinnlichen Erkenntnisvermögen und seinen Organen*. Leipzig, 1878. S. 25.

²⁴ Alexandre d'Aphrodisias. *Commentaire sur le traité d'Aristote De sensu et sensibili* / Éd. par Ch. Thurot. Paris, 1875. P. 186.

²⁵ Johansen T.K. *Aristotle on the sense-organs*. P. 237; *Idem*. *Aristotle on the Sense of Smell // Phronesis*. 1996. Vol. 41 (1). P. 13.

вкусом сухости, доказав ранее, что вкус образуется из обоих – из присущей воде влажности и присущей земле сухости. Само по себе сухое [вещество] еще не обладает вкусом, и только смешавшись с водой и растворившись в ней, производит под воздействием тепла различные вкусы. Запахи же вызываются не безвкусным, но обладающим вкусом сухим, то есть таким, которое уже смешалось с водой (*Alexander. In De Sensu*, 89, 14–20)²⁶.

Действительно, сам Аристотель ссылается на тот факт, что запах есть только у того, что имеет вкус (*De Sensu* 443a 8–12). Но такая интерпретация фактически стирает различие между сухим и влажным, обладающим вкусом.

Свойства передающей среды

Однако трудности в определении природы запаха не сводятся только к противоречиям на уровне текста. При описании обоняния мы сталкиваемся с фундаментальной для аристотелевской психологии проблемой. Поскольку предмет чувства первичен по отношению к чувству, то нельзя определить ощущение через предмет другого чувства, потому что тогда между ними стирается разница. Если современная наука могла бы предложить различать чувства по их органам, то в психологии Аристотеля это невозможно. Потому что орган чувства формируется и является реализацией одной из способностей восприятия, которая в свою очередь определяется предметом, на который она направлена. Более того, оказывается, что дистантное чувство определяется через предмет контактного чувства. Тогда закономерно спросить, каким образом обоняемое вообще может восприниматься через среду?

Так что Аристотель, настаивая на том, что природа запаха – сухое, а вкуса – влажное, хочет сохранить разницу между обонянием и вкусом. Пытаясь объяснить, каким образом запах может сохранить свою природу сухого во влажном, Йохансен обращает внимание на специфические свойства передающей среды, обеспечивающие возможность передачи свойств предметов на расстоянии. В случае зрения им является прозрачность (*διαφάνης*). Но прозрачное не единственное свойство воды и воздуха, когда Аристотель рассуждает о необходимости передающей среды для зрения, он говорит, что среда также необходима для звука и запаха:

То же рассуждение приложимо и к звуку и запаху. Ведь от непосредственного соприкосновения того и другого с органом чувства ощущение не вызывается, но запахом и звуком приводится в движение среда, а ею возбуждается каждый из этих органов чувств... Для звуков среда – воздух, для запаха среда не имеет названия (*ἄνωστρον*): имеется во всяком случае некоторое свойство, общее воздуху и воде; как прозрачное для цвета, так и это свойство, присущее воздуху и воде (*κοινὸν γάρ τι λάθος ἐπ' ἄερος καὶ ὕδατος*), есть среда для того, что обладает запахом (*De Anima* 419a 25 – 419b 1).

Если для звука средой назван воздух, то для обоняния среда не имеет названия. Проведенная Аристотелем аналогия между прозрачным и средой для запаха позволяет отождествить ее со способностью смывать обладающее вкусом сухое, о котором идет речь в «Об ощущении и ощущаемом»:

²⁶ См. прим. 38 к: *Аристотель. Об ощущении и ощущаемом*. С. 570–571.

И хотя мы говорили, что общим свойством воды и воздуха является прозрачное, однако запах зависит не от прозрачности этих сред, а от их способности счищать и смывать (πλῦτικὸν καὶ ῥύπτικὸν) обладающее вкусом сухое (De Sensu 442b 29 – 443a 3).

На это же специфическое свойство, необходимое для передачи запаха, обращает внимание Александр. Он задается вопросом, почему Аристотель в приведенном выше фрагменте «Об ощущении и ощущаемом» (442b 27–29) называет воздух и воду «иным родом». Вода и воздух не могут быть иными по отношению к упомянутому влажному, потому что они сами влажные. Значит, Аристотель называет воду и воздух средами «иного рода», не потому что они влажные, а потому что обладают общим для них свойством, которое по аналогии с «прозрачностью» было названо Александром «проницаемостью для запаха» (διόσμων):

Он сказал «в другом роде» потому, что запах возникает в <воздухе и воде> не из-за того, что они влажные, прозрачные или способные к восприятию вкуса. Он возникает потому, что они причастны некоей иной природе, способной к восприятию запахов, которую по аналогии [с прозрачностью] можно было бы назвать проницаемостью для запаха. Поскольку вода и воздух прозрачны, они способны к восприятию цвета, а поскольку в воде содержится телесная влага, подвергающаяся воздействию со стороны сухости, вода воспринимает вкусы. Запахи же воспринимаются водой в силу иной, общей [для нее и воздуха] способности, которую Аристотель называет «иным родом» (Alexander. In De Sensu 88, 19 – 89, 5)²⁷.

Таким образом, запах передается в воде и воздухе не благодаря тому, что они влажные, а благодаря их специфической способности смывать сухое, или быть проницаемыми для ароматов. Тогда, сравнив опосредующее воздействие прозрачного и этой способности, Йохансен приходит к выводу, что можно различить роль влажного в случае возникновения запаха и вкуса. Если во влажной среде вкус возникает в результате растворения сухого, то запах только передается. Важной характеристикой передающей среды является то, что она не меняет состояния передаваемого, иначе мы лишились бы объективности чувственного восприятия, на которой настаивает Аристотель. Вкус возникает тогда, когда сухое смешивается с влажным, при этом смешиваются как форма, так и материя обоих компонентов. В случае запаха изменение среды не является смешением, потому что на среду воздействует только форма ощущаемого без материи.

Следовательно, в передающей среде запах может сохранить свою природу сухого, в отличие от ощущаемого на вкус. Но тогда изменения влажного в случае запаха и вкуса оказываются не сходными, а различными. И эта разница не сводится к тому, что для вкуса средой будет вода, а для запаха – и вода, и воздух, как считали Теофраст и Александр. Так что остается неясным, в чем заключается сходство в возникновении вкуса и запаха, если влажное для вкуса – это материя, а для запаха – передающая среда.

²⁷ Пер. С.В. Месяц с незначительными изменениями. Цит. по: *Аристотель. Об ощущении и ощущаемом...* С. 572. В прим. 38 С.В. Месяц также отмечает, что вода и воздух могут быть названы «иным родом» не по отношению к влаге как таковой, а по отношению к той влаге, которая входит в состав обладающего вкусом предмета.

Виды вкусов

Как уже было сказано, в трактате «О душе» Аристотель предлагает аналогию между запахами и вкусами. В основе такой аналогии не обязательно должно лежать представление о единой физической природе сравниваемого. Когда Аристотель рассматривает виды вкусов, то сравнивает их с видами цветов; он делает это не потому, что вкус и цвет имеют общую физическую природу. Род вкуса ограничен двумя противоположностями – сладким и горьким, остальные виды вкусов возникают из их смешения. Аристотель выстраивает аналогию между вкусами и цветами, чтобы показать, каким образом можно построить классификацию вкусов. Поскольку в состав смеси противоположности могут входить в разной пропорции, то это и обеспечивает разнообразие видов как цветов, так и вкусов.

Как из смешения белого и черного происходят цвета, так из сладкого и горького происходят вкусы. При этом каждый вкус образуется либо благодаря пропорциональному смешению сладкого и горького, либо благодаря преизбытку и недостатку, то есть либо выражается определенным числом смеси и производимых сладким и горьким воздействий, либо остается неопределенным. Смеси вкусов, доставляющих удовольствие, имеют числовое выражение (De Sensu 442a 10–17).

Аристотель устанавливает следующее соответствие между цветами и вкусами²⁸: 1) белый (λευκόν) – сладкий (γλυκύ), 2) желтый (ξανθόν) – жирный (λιπαρόν), 3) зеленый (πράσινον) – пряный (δριμύ), 4) синий (κυανούν) – терпкий (αυστηρόν), 5) красный (ἄλουργόν) – кислый (στρυφόν), 6) фиолетовый (φοινικοῦν) – острый (ὀξύ), 7) серый (φαίον) – соленый (ἄλμιυρόν), 8) черный (μέλαν) – горький (πικρόν). Хотя Аристотель называет всего 8 видов цветов, лучше считать, что их 7, ведь серое есть разновидность черного, а значит соленое – разновидность горького (De Sensu 442a 20–21). Александр объясняет эту аналогию математической пропорцией компонентов смеси:

Сказав, что промежуточные вкусы возникают из смеси противоположностей, сладкого и горького, точно так же, как цвета возникают при смешении белого и черного, он теперь демонстрирует сходство между ними в числовом отношении (κατὰ τὸν ἀριθμὸν), “ведь есть семь видов того и другого” (442a 20–21), потому что у тех вкусов, которые он перечислил, семь видов, ведь он полагает, что соль – это другой вид и не совсем то же самое, что горькое, и серое должно каким-то образом быть в черном, так же, как и в случае со вкусами соль была в горьком (Alexander. In De sensu, 81,1 10–15, пер. мой. – Н.В.).

Таким образом, в каком отношении смешаны белое и черное, например, в случае с желтым, в таком же отношении смешаны сладкое и горькое в случае с жирным. Далее Александр рассуждает, почему цветов и вкусов ровно семь, доказывая это необходимостью существования определенных математических пропорций. Причем если вкусы, лишённые точных пропорций, будут неприятными, то цвета просто утратят свою ясность и станут мутными.

²⁸ Aristotle. Parva Naturalia / Ed. by W.D. Ross. P. 207.

Виды запахов

Запахи не имеют собственных названий, но получают их по аналогии со вкусами:

С запахами дело обстоит так же, как со вкусом: один – сладкий, другой – горький, но одни вещи имеют запах аналогичный вкусу, я имею в виду, например, сладкий аромат и сладкий вкус, а другие – противоположный (ἔστι δ', ὥσπερ χυμὸς ὁ μὲν γλυκὺς ὁ δὲ πικρὸς, οὕτω καὶ ὄσμαι, ἀλλὰ τὰ μὲν ἔχουσι τὴν ἀνάλογον ὄσμην καὶ χυμὸν, λέγω δὲ οἷον γλυκεῖαν ὄσμην καὶ γλυκὺν χυμὸν, τὰ δὲ τοῦναντίον). Как и вкус, запах бывает терпкий, острый и жирный. Но, как мы уже сказали, в силу того, что запахи различимы не так отчетливо, как вкусы, они заимствовали свои имена согласно сходству с вещами (ἀλλ' ὥσπερ εἶπομεν, διὰ τὸ μὴ σφόδρα διαδήλους εἶναι τὰς ὄσμας ὥσπερ τοὺς χυμοὺς, [ἀπὸ τούτων] εἴληφε τὰ ὀνόματα καθ' ὁμοίότητα τῶν πραγμάτων). Так, сладкий запах принадлежит шафрану и меду, пряный – тимьяну и другим подобным вещам. Равным образом обстоит дело и с другими запахами (ἢ μὲν γλυκεῖα [ἀπὸ τοῦ] κρόκου καὶ μέλιτος, ἢ δὲ δριμεῖα θύμου καὶ τῶν τοιοῦτων τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων) (De Anima 421a 26 – 421b 1)²⁹.

Этот фрагмент достаточно много комментировался, поскольку вызывает удивление утверждение Аристотеля о том, что запахи получают свои имена согласно сходству с вещами, имеющими определенный вкус, хотя Аристотель сам только что отметил, что некоторые вещи могут иметь сладкий вкус, но горький запах. Кроме того, неясно, называются ли запахи по аналогии с вещами, т.е. запах меда, тимьяна и т.п., или виды запахов называются по аналогии с видами вкусов – сладкий, горький и т.п.

Росс и Шилдс считают, что речь в том фрагменте идет о таких названиях, как, например, запах груши, т.е. аромат берет свое наименование от предмета, имеющего определенный вкус. Чтобы интерпретировать этот фрагмент таким образом, Росс берет в квадратные скобки [ἀπὸ τούτων]. Иначе получается, что названия ароматов происходят от названий вкусов, ведь вкусы (τοὺς χυμοὺς) – это последнее, что упоминается перед этими словами. Но из заключительной части предложения следует, что названия ароматов происходят не от названий вкусов, а от названий вещей, имеющих определенный вкус (мед, шафран и т.д.). Значит, считает Росс, ἀπὸ τούτων – это лишняя вставка³⁰. Шилдс полагает, что исправление Росса в целом придает отрывку более ясный смысл. Мы говорим, например, о запахе дыни или запахе лимона, потому что они относятся к дыне и лимону, даже если мы обнаруживаем запах дыни в стакане вина или запах лимона в столовом воске³¹. Шилдс и Росс считают, что основная мысль Аристотеля в этом фрагменте заключается в том, что вкусы у людей более определенные, чем запахи, и, поскольку они воспринимаются дискретно, они также более отчетливо различаются и называются.

А. Торстрик, Хикс и Йохансен считают иначе. Хикс оставляет ἀπὸ τούτων, и вслед за Торстриком убирает [ἀπὸ τοῦ]³², поскольку он разделяет

²⁹ Непубликованный перевод «О душе» С.В. Месяц (из личной переписки. Письмо от 21.12.2019).

³⁰ Aristotle. De Anima / Ed. by W.D. Ross. P. 255.

³¹ Aristotle. De Anima / Trans. by Ch. Shields. P. 238–239.

³² Росс также убирает [ἀπὸ τοῦ].

его мнение о том, что тот, кто вставил ἄπο τοῦ, полагал, что под вещами, от которых запахи получают свои имена, имеются в виду шафран, мед, тимьян и т.п.³³ Тогда и вкус, и запах называются сладкими, потому что подобны, например, шафрану, который имеет сладкий вкус и сладкий запах. Но, как показывает Торстрик, под вещами нужно понимать не вещи, которые порождают вкус, а сами вкусы. Тогда противопоставляются запахи и вкусы и их названия, а не названия вкусов и запахов и те вещи, что их порождают. Йохансен также согласен с Торстриком и Хиксом³⁴. Тогда в приведенном отрывке речь идет о том, что обонять такие вещи, как шафран, все равно, что пробовать их на вкус. Сладкие запахи получили свое название «сладкие» из-за сходства между тем, каково это – чувствовать такой запах, и тем, каково это – ощущать сладость на вкус.

Таким образом, Аристотель объясняет, почему запахи называются «сладкими» и «горькими», а не то, почему запахи называются «запах шафрана» или «медовый запах». Он хочет выстроить аналогию между видами вкусов и видами ароматов так же как он уже сделал с цветами. Основанием для появления сходных названий является сходство в ощущениях, например, сладкого вкуса и сладкого запаха. На этот факт обращает внимание Филон. Он говорит, что пряный запах кусается так же, как и пряный вкус: «...пряный вкус кусается, как и пахнущее таким образом» (ἐλεϊδὴ δακνώδης ἐστὶν ὁ ὀσμὴς χυμῶς, ἔστι δὲ καὶ τὸ ὀσφραντὸν τοιοῦτον τρόπον, 390, 1). Горький запах не перестает называться «горьким», даже если предмет, который его источает, имеет сладкий вкус. Если бы название запаха «сладкий» зависело от того, от чего исходит запах, то возникла бы проблема с описанием тех запахов, которые исходили бы от предметов, которые имеют другой вкус. Так что виды запахов получают свои названия по аналогии со вкусовыми ощущениями.

Однако возникает следующее затруднение, на которое обращает внимание Пс.-Симпликий, а именно, почему одно и то же сухое порождает разные ощущения.

Названия «сладкий», «горький» и тому подобные перешли от вкусов к запахам. Но не напрасно же (ведь почему не от осязаемых предметов или звуков)? Скорее всего потому, что, как было сказано, вещи имеют родство запахов и вкусов из-за растворения имеющего вкус в общей влаге воздуха и воды (τὰ πράγματα ἐστὶ συγγένεια τοῖς ὀσφραντοῖς πρὸς τὰ γευστὰ διὰ τὴν τοῦ ἐγγύμου ἀπόπλευσιν ἐν τῷ κοινῷ ἀέρος τε καὶ ὕδατος ὑγρῷ). Почему же тогда сладкий запах не всегда следует за сладким вкусом? Потому что иногда имеющее вкус, растворяясь, меняет свой характер, а изменение характера превращает его либо в нечто такого же рода, либо лишенность того, что присуще самой вещи (In De anima 153, 27–34).

Если каждый вид вкуса определяется пропорцией сладкого и горького, причем одно и то же имеющее вкус сухое порождает и вкус, и запах, то как возможно иметь сладкий вкус и горький аромат? Пс.-Симпликий считает, что при размывании сладкий вкус может перейти в лишенность сладости, т.е. в свою противоположность, горечь. Таким образом можно объяснить, почему нечто сладкое имеет горьким запах. Но нельзя объяснить, почему горькое на вкус может пахнуть сладким, поскольку размывание горького

³³ Aristotelis De anima libri III / Ed. A. Torstrik. Berlin, 1862. P. 157.

³⁴ Johansen T.K. Aristotle on the Sense of Smell. P. 5–6.

не приведет к возникновению сладости. Этот же факт несоответствия видов запахов и видов вкусов можно объяснить недостатком нашей обонятельной способности. Мы ошибаемся, воспринимая сладкий запах, исходящий от чего-то горького, потому что наш орган обоняния не способен правильно воспроизвести пропорцию сладкого и горького, а значит, виды запахов остаются нам неизвестны. Получается, что если в случае цвета или вкуса мы знаем не только общий род (цвет, вкус), но и виды (белый, черный, сладкий, горький) и поэтому мы можем дать им определение, то виды запахов не могут быть правильно нами классифицированы, а значит, не могут быть определены³⁵.

Таким образом, в отличие от аналогии между видами вкусов и цветов, когда пропорция противоположностей в органе восприятия воспроизводится правильно, орган обоняния не сообщает нам истинную природу пахнущего. Так что аналогия между видами запахов и вкусов имеет только условный характер, и обоняемое вновь остается нам недоступным.

Приятные сами по себе запахи

В приведенном выше фрагменте из трактата «О душе» (421a 26 – 421b 1) Аристотель говорит, что все запахи получают свои названия от соответствующих вкусов. Однако в трактате «Об ощущении и ощущаемом» выясняется, что существуют два принципиально разных вида пахнущего³⁶. Так что аналогия между вкусом и запахом справедлива только для таких запахов, которые суть продолжения вкусов пищи:

Существуют две разновидности обоняемого (εἶδη τοῦ ὀσφρακτοῦ). Утверждающие, будто разновидностей обоняемого нет, неправы³⁷ – они есть, однако необходимо разобраться, в каком смысле они существуют, а в каком – нет. Одни запахи, как мы говорили, сопутствуют вкусам, поэтому приятными и неприятными им свойственно быть привходящим образом. Поскольку эти запахи вызываются пищей, то когда мы голодны, они бывают приятны, а когда сыты и ничего не хотим, то неприятны; неприятны они и для людей, которым не нравится источающая их пища. Таковы, как мы сказали, запахи, которым свойственно быть приятными и неприятными привходящим образом и которые поэтому воспринимаются сообща всеми животными. Другие запахи приятны сами по себе (αἱ δὲ καθ' αὐτὰς ἡδέαι τῶν ὀσμῶν εἰσιν), например, запахи цветов (De Sensu 443b 17–27).

Этот отрывок показывает, что некоторые запахи бывают «приятными» или «неприятными» в зависимости от порождающих их вкусов. То есть запахи не просто называются «горькими», «сладкими» и т.п. по аналогии

³⁵ Аристотель в этом вопросе согласен с Платоном, который также полагал, что запахи не поддаются родовидовой классификации. Запахи представляют собой смесь воздуха и воды, лишенную математически точной пропорции, а значит, они не могут быть ни видами воздуха, ни видами воды. См.: Волкова Н.П. Безымянные запахи: теория обоняния в «Тимее» Платона // СХОЛН. 2020. Т. 14 (2). С. 709–727.

³⁶ Такой переход к двойственной природе запахов кажется удивительным. Йохансен отмечает, что текст «О душе» нас к этому не готовит. См.: Johansen T.K. Aristotle on the Sense of Smell. P. 6.

³⁷ То есть Платон.

со вкусами, они также оказываются «приятными» или «неприятными» в зависимости от того, является ли приятным или неприятным соответствующий вкус. Запахи приятны тогда, когда приятен вкус. Поскольку вкусы приятны, когда вы хотите есть или пить, то и запахи тоже становятся приятными, когда вы хотите есть или пить, а значит, они приятны не сами по себе, а только приводящим образом. Но есть такие вещи, которые сами по себе пахнут приятно. Аристотель замечает, что мы наслаждаемся ароматом цветов, хотя не едим их. Он объясняет это тем, что запах цветов принадлежит к другому виду запахов – запахам, которые приятны независимо от нашего состояния. Запахи этого вида отличаются еще и тем, что ими наслаждаются только люди³⁸. Хотя, по-видимому, другие животные их замечают, но не наслаждаются ими.

В итоге эту особенность Аристотель объясняет строением нашего мозга и тем благоприятным влиянием на наше здоровье, которое оказывают запахи. Большой и холодный мозг нуждается в сохранении баланса тепла и холода:

...когда запахи, легкие благодаря заключенному в них теплу, поднимаются к головному мозгу, то прилегающие к мозгу части становятся здоровее, так как запахи обладают естественной способностью нагревать (De Sensu 444a 23–26).

Но для того, чтобы запахи могли оказывать такое оздоровительное влияние на мозг, они должны сами быть сухими и теплыми. Согласно Аристотелю, каждый элемент характеризуется двумя свойствами: земля – холодная и сухая, вода – влажная и холодная, воздух – влажный и теплый, а огонь сухой и горячий. Следовательно, запахи, которые приятны сами по себе, должны содержать в себе огонь³⁹. Получается, что представление об оздоравливающем действии ароматов связано с совсем другим определением запаха, а именно с определением запаха как «дымного испарения», которое Аристотель приписывает Гераклиту. Дымное испарение (*καπνώδης ἀναθυμίασις*) отличается от влажного испарения (*ἢ ὑγρὰ ἀναθυμίασις*), или пара (*ἀτμίς*)⁴⁰. Сначала Аристотель сам называет запах «неким дымным испарением» (De Sensu 438b 24), однако ниже полностью отвергает это определение, потому что дым не может возникать в воде, а значит, обоняние в воде было бы невозможно. Кроме того, Аристотель изменяет определение самого дымного испарения. Если сначала он утверждал, что дым происходит от огня, то потом объявляет его состоящим из воздуха и земли (De Sensu 443a 20–30).

Таким образом, приятные сами по себе запахи имеют природу, отличную от запахов, порожденных пищей. Во-первых, потому что их нельзя определить через вкус, а во-вторых, они должны быть не просто сухими, но сухими и теплыми, т.е. содержать в себе огонь. А значит, у обоняемого вообще нет единой природы.

³⁸ Аристотель берет это различие, по-видимому, у Платона. В «Филебе» (51 а–е) Сократ ищет чистые удовольствия, которые не смешаны со страданиями, и в качестве примера приводит обоняние запахов, которые всегда и по-настоящему приятны, в отличие от обоняния запахов, связанных с пищей. Обоняние запахов, связанных с едой, представляет собой смешанное удовольствие, потому что оно возникает в результате насыщения, т.е. восполнения недостатка. Аристотель не разделяет взгляд Платона на удовольствие как восполнение природного недостатка.

³⁹ То тепло, которое присутствует в воздухе, не может нагреть мозг, потому что воздух используется организмом для охлаждения.

⁴⁰ См.: Аристотель. Метеорологика. II, 4, 359b 28–32.

Срединное положение обоняния

Йохансен считает, что все указанные затруднения являются результатом использования Аристотелем смешанной методологии, когда он хочет определить дистантное чувство через предмет, но не его собственный, а другого контактного чувства⁴¹. Вряд ли Аристотель не замечал возникающих противоречий в определении запаха и обоняния; его подход в описании обоняния продиктован той ролью, которую оно играет среди других ощущений. Аристотель убежден, что человек имеет весь набор ощущений, так что ощущения дают нам полную и объективную картину мира. Одним из доказательств этого тезиса является рассуждение о срединном положении обоняния. Поскольку существуют два вида чувств – дистантные и контактные, то должно быть такое чувство, которое сочетает в себе элементы и тех и других. Обоняние лучше других чувств подходит на эту роль:

Поскольку чувств нечетное количество, а нечетное число имеет середину, то чувство обоняния кажется средним между чувствами, находящимися в непосредственном контакте с предметом, к каковым относятся осязание и вкус, и теми, которые воспринимают предмет через среду, как зрение и слух. Поэтому и пахнущее является, с одной стороны, свойством пищи (которая относится к роду осязаемого), а с другой – слышимого и видимого, поскольку животные способны обонять и в воде, и воздухе (*De Sensu* 445a 4–16).

Филопон предлагает следующие объяснения того, почему обоняние может выполнять такую роль связующего звена. С одной стороны, он апеллирует к способу действия чувства, как далеко оно способно воспринимать, а с другой, – к физическому устройству воспринимаемого.

Если обоняние не воспринимает на таком большом расстоянии, как это делают зрение и слух, но и не нуждается в том, чтобы предмет чувств находился так близко, как это нужно осязанию и вкусу, то оно находится посередине относительно каждой из двух [групп чувств]. Вот почему обоняние занимает промежуточное положение по способу деятельности. Но [обоняние является промежуточным и] относительно подлежащего [воспринимаемых предметов], поскольку зрение связано с цветами и светом, которые являются огненными, а огонь имеет наиболее мелкие частицы (*λεπτομερέστατον*) и как бы бестелесен среди тел, слух имеет дело со звуками, которые принадлежат воздуху, чему-то обладающему большими частицами (*παχύτερος*), чем огонь, но более мелкими, чем все остальные элементы (так что даже некоторые люди думают, что воздух пуст), а чувство вкуса относится к тому, что имеет вкус, принадлежащий воде; ведь влага является носителем вкусов, а осязание связано с вещами твердыми и земляными (*In De Anima*, 385 22–31, пер. мой. – *Н.В.*).

Итак, цвет мы воспринимаем на более далеком расстоянии, чем звук, потому что бывает так, что мы нечто видим, но не слышим, обоняние же нуждается в еще большей приближенности объекта восприятия. Кроме того, каждое ощущаемое, по мысли Филопона, связано с одним из элементов: цвет – с огнем, звук – с воздухом, вкус – с водой, а осязание – с землей. Запах же одновременно связан со всеми четырьмя элементами: он связан

⁴¹ Johansen T.K. Aristotle on the Sense of Smell. P. 17–18.

с землей, поскольку она сухая, возникает же он в воде и воздухе и нуждается в тепле, чтобы осуществлять свою деятельность.

Однако сам Аристотель, доказывая тезис о полноте чувственного восприятия, апеллирует не столько к предметам ощущений, сколько к строению органов чувств. Орган чувства представляет собой реализацию самого чувства, когда на орган воздействует предмет ощущения, он изменяется под действием физического качества вещи, переходя из потенциального в актуальное состояние. Такое представление о взаимодействии физической вещи и органа чувства является следствием двух теоретических установок Аристотеля. Во-первых, что действительное во всех отношениях предшествует возможному. А, во-вторых, что чувственное познание вещи представляет собой уподобление ей, когда орган чувства воспроизводит нужную пропорцию качеств физической вещи. Поэтому свое доказательство тезиса о полноте пяти ощущений Аристотель строит на том, что у нас есть полный набор органов чувств, соответствующий всем основным физическим качествам вещей⁴².

Тогда устройство органов чувств должно таким образом соответствовать физическому устройству вещей, чтобы они могли воспроизвести любое качество вещи. Все физические тела состоят из простых тел, т.е. элементов, следовательно, Аристотелю нужно было связать строение органов с элементами и тем самым доказать, что мы способны воспринять любое качество сложного физического тела. Самым простым было бы утверждать, что каждый орган состоит или имеет в своем составе один из элементов, однако Аристотель избегает такого отождествления, чтобы не вернуться к представлениям своих предшественников, например, Эмпедокла или Платона, о том, что мы видим огонь огнем, осязаем землю землей и т.п., т.е. что мы познаем подобное подобным⁴³. Разработав свою теорию восприятия, Аристотель приходит к выводу, что органы чувств состоят только из двух элементов – воды и воздуха (De Anima 425a 3–4). Огонь не является элементом зрачка, он либо вообще не входит в состав ни одного органа, либо является общим для всех, потому что ни один орган не может ощущать без тепла. То же самое можно сказать и о земле: она или не входит в состав органов чувств, или смешана с органом осязания⁴⁴. То есть органы чувств состоят из тех же простых тел, из которых состоят передающие среды. Таким образом, оказывается, что мы не просто воспринимаем *через* элементы – воду и воздух, но мы воспринимаем *посредством* воды и воздуха, потому что именно они составляют наши органы чувств.

Каким образом связаны физические свойства вещи и передающие среды? Определяющим фактором восприятия для дистантных чувств является

⁴² Доказательство, которое приводит Аристотель, достаточно сложно, поэтому я не буду его приводить целиком. См.: Polansky R. Aristotle's De Anima: A Critical Commentary. P. 361–369.

⁴³ Месяц С.В. Критика Аристотелем принципа «подобное познается подобным» // СХОЛН. 2021. Т. 15 (1). С. 307–325.

⁴⁴ В «Об ощущении и ощущаемом» Аристотель, видимо, опирается на более архаичное представление о том, каким образом каждый орган связан с одним из элементов. «...каждый из органов чувств нужно соотносить и связывать с одним из элементов следующим образом. Видящую часть глаза нужно считать состоящей из воды, воспринимающее звуки – из воздуха, обоняние – из огня... осязание [нужно считать] состоящим из земли, а вкус есть некая разновидность осязания» (De Sensu 458b 17 – 459a 1).

не сама среда, а некоторые ее свойства: прозрачность в случае зрения, способность резонировать в случае звука и проницаемость для запаха в случае обоняния. Рассуждая по аналогии с прозрачным, все свойства среды могут находиться как в актуальном, так и в потенциальном состоянии. Видеть можно только в актуально прозрачной среде, потому что только актуально прозрачное способно прийти в движение под действием цвета⁴⁵. Прозрачность присуща воздуху и воде только в возможности; необходим огонь, чтобы привести ее в актуальное состояние. Однако прозрачность свойственна не только средам, по существу, она присутствует во всех физических вещах:

Называемое нами прозрачным не есть нечто свойственное исключительно воздуху, воде или какому-то другому из так называемых прозрачных тел, но это некая общая природа и способность, которая не существует отдельно, но находится в перечисленных телах, а также и во всех остальных – в большей или меньшей степени (De Sensu 439a 21–26).

Именно с прозрачным связано одно из определений цвета, а именно как «предела прозрачного в ограниченном теле» (Ibid. 439b 10–11)⁴⁶. Поскольку всякое тело – это смесь из четырех элементов, из которых свойством прозрачности не обладает только земля, то каждый видимый предмет является актуально прозрачным, именно поэтому он и способен приводить в движение или изменять прозрачное в передающих средах и органах чувств⁴⁷. Этот вывод соответствует основной теоретической установке Аристотеля, что только действительное может привести возможное к своему осуществлению. Таким образом, если экстраполировать этот вывод на другие физические свойства вещей, в том числе на запах, то они также должны представлять собой актуальность свойств передающих сред.

Итог

Аристотель определяет ощущение через его предмет. В случае обоняния это сделать сложно, потому что оно мало что говорит нам о своем предмете – запахе. Решение, предложенное Аристотелем, заключается в проведении аналогии между запахами и вкусами. В основе этой аналогии лежит тот факт, что одно и то же обладающее вкусом сухое вещество производит и запах, и вкус. Но здесь мы сталкиваемся со следующим противоречием в определении природы пахнущего. Если запах в передающей среде сохраняет свою природу сухого, как предлагает Йохансен, то он не может возникать сходным со вкусом образом, потому что в одном случае мы имеем дело со смешением, а во втором – нет. А значит, вкус и запах не могут представлять собой «почти одно и то же претерпевание». Если же запах теряет

⁴⁵ Sorabji R. Aristotle on colour, light and imperceptibles // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2004. Vol. 47. P. 129–140.

⁴⁶ Herzberg S. Aristoteles über die Natur des Lichts // Aristoteles: Parva naturalia. Akten der 18. Tagung der Karl und Gertrud Abel-Stiftung (vom 30. September bis 2. October 2015 in Mainz). Berlin; Boston, 2021. S. 113–132.

⁴⁷ Месяц С.В. Три определения цвета у Аристотеля // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю (Институт философии РАН, 17–19 октября 2016 г.). М., 2017. С. 10–30.

свою природу сухого и представляет собой дальнейшее размывание вкуса во влаге воздуха и воды, как предлагает Росс, то оказывается невозможным различить вкус и обоняние. Если же мы предположим, что аналогия между запахами и вкусами строится не на основании сходства их физической природы, а на основании сходства оказываемого воздействия на орган чувства, то такая аналогия окажется условной потому что виды вкусов и виды запахов не будут иметь одинаковых пропорций, входящих в их состав компонентов. Все эти противоречия порождены не непоследовательностью рассуждений Аристотеля, а его желанием представить обоняние как связующее звено между дистантными и контактными чувствами. Как и в случае цвета, путь к определению запаха и обоняния, по-видимому, мог бы лежать через определение запаха как актуальности соответствующей способности передающей среды, однако сам Аристотель об этом прямо не говорит.

Список литературы

- Аристотель*. О душе / Пер. с древнегреч. П.С. Попова под ред. М.И. Иткина // *Аристотель*. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–448.
- Аристотель*. Об ощущении и ощущаемом / Пер. с древнегреч. С.В. Месяц // *Мера вещей: человек в истории европейской мысли* / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 530–582.
- Волкова Н.П. Безымянные запахи: теория обоняния в «Тимее» Платона // *ΣΧΟΛΗ*. 2020. Т. 14 (2). С. 709–727.
- Месяц С.В. Аристотелевская теория ощущения: конфликт интерпретаций // *Историко-философский ежегодник*. 2017. № 2017. С. 5–20.
- Месяц С.В. Аристотель о природе цвета // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2013. № 1 (2). С. 28–39.
- Месяц С.В. Критика Аристотелем принципа «подобное познается подобным» // *ΣΧΟΛΗ*. 2021. Т. 15 (1). С. 307–325.
- Месяц С.В. Три определения цвета у Аристотеля // *Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю (Институт философии РАН, 17–19 октября 2016 г.)* / Под ред. В.В. Петрова. М.: Аквилон, 2017. С. 10–30.
- Alexandre d'Aphrodisias*. Commentaire sur le traité d'Aristote De sensu et sensibili / Éd. par Ch. Thurot. Paris: Impr. Nationale, 1875.
- Alexandri in librum de sensu commentarium // *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. III (1) / Ed. P. Wendland. Berlin: Reimer, 1901. P. 1–173.
- Aristoteles*. Über die Seele / Übers. von W. Theiler. Berlin: Akademie-Verlag, 1959.
- Aristotelis De anima libri III* / Ed. A. Torstrik. Berlin: Apud Weidmannos, 1862.
- Aristotle*. De Anima / Trans. by Ch. Shields. Oxford: Clarendon Press, 2016.
- Aristotle*. De Anima / Ed. and trans. by R.D. Hicks. Cambridge: Cambridge University Press, 1907.
- Aristotle*. De anima / Ed. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1961.
- Aristotle*. On the Soul. Parva Naturalia. On Breath / Trans. by W.S. Hett. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1957.
- Aristotle*. Parva Naturalia / Ed. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1955.
- Charlton W. Philoponus: On Aristotle On the Soul 2.7–12. London; New York: Bloomsbury 2014.
- Hadot I. Simplicius or Priscianus? On the Author of the Commentary on Aristotle's De Anima (CAG XI): A Methodological Study // *Mnemosyne*. 2002. Vol. 55 (2). P. 159–199.
- Herzberg S. Aristoteles über die Natur des Lichts // *Aristoteles: Parva naturalia*. Akten der 18. Tagung der Karl und Gertrud Abel-Stiftung (vom 30. September bis 2. October 2015 in Mainz) / Hrsg. von J. Althoff. Berlin; Boston: De Gruyter, 2021. S. 113–132.

- Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. VX / Ed. by M. Hayduck. Berlin: Reimer, 1897. P. 1–607.
- Johansen T.K. Aristotle on the Sense of Smell // *Phronesis*. 1996. Vol. 41 (1). P. 1–19.
- Johansen T.K. Aristotle on the sense-organs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Neuhäuser J. Aristoteles Lehre von dem sinnlichen Erkenntnisvermögen und seinen Organen. Leipzig: Koschny, 1878.
- Polansky R. Aristotle's De Anima: A Critical Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Priscian. On Theophrastus On Sense-Perception with Simplicius «On Aristotle On the Soul 2. 5–12» / Trans. by P. Huby, C. Steel in collaboration with J.O. Urmson; notes by P. Lautner. London: Duckworth, 1997.
- Simplicii in libros Aristotelis de anima commentaria // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. XI / Ed. by M. Hayduck. Berlin: Reimer, 1882. P. 1–329.
- Sorabji R. Aristotle on colour, light and imperceptibles // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2004. Vol. 47. P. 129–140.
- Theophrasti Eresii opera, quae supersunt, omnia / Ed. F. Wimmer. Lipsae: Teubner, 1854.
- Towey J.A. Alexander of Aphrodisias On Aristotle On Sense Perception. London; New York: Bloomsbury, 2014.

Aristotle on odor and sense of smell

Nadezhda P. Volkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharynaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: go2nadya@gmail.com

This article is devoted to the sense of smell in Aristotle's psychology. Aristotle defines all senses by their proper objects. In the case of sense of smell, this is difficult to do, because the human sense of smell is poorly developed. In addition, the odor itself is problematic, according to Aristotle, it appears only under certain conditions. The purpose of this work was to consider the main aspects of Aristotle's theory of the sense of smell. In this article, special attention will be paid to the following topics. Firstly, I considered the nature of odor: 1) why Aristotle defines odors and flavors as "almost the same affection"; 2) why odor should be considered as ἔγχυμον ξηρόν, and not as ἔγχυμον ὑγρόν; 3) what is the property of water and air, which plays the crucial role in the appearance of odors. Secondly, the question of the structure of the olfactory organ. Thirdly, the question of types of odors. And fourthly, the question of the place of the sense of smell among the other senses. It is shown that: 1) although Aristotle gives similar definitions of odors and flavors, he does not reduce them to one another; 2) the medium plays the crucial role in distinguishing them; 3) the analogy between kinds of flavors and kinds of odors is not based on mathematical proportion of components; 4) the two types of odors named by Aristotle in *De Sensu* cannot have the same physical nature; 5) many difficulties concerning the sense of smell are connected with the specific role that it plays among other senses.

Keywords: Aristotle, *On the Soul*, *On Sense Perception*, sense, sense of smell, odor.

For citation: Volkova, N.P. "Aristotel' o zapakhe i obonyanii" [Aristotle on odor and sense of smell], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 3, pp. 36–55. (In Russian)

References

- Charlton, W. (tr.) *Philoponus, On Aristotle On the Soul 2.7–12*. London; New York: Bloomsbury, 2014.

- Hadot, I. "Simplicius or Priscianus? On the Author of the Commentary on Aristotle's *De Anima* (CAG XI): A Methodological Study", *Mnemosyne*, 2002, Vol. 55 (2), pp. 159–199.
- Hayduck, M. (ed.) "Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria", *Commentaria in Aristotelem Graeca*, Vol. XV. Berlin: Reimer, 1897, pp. 1–607.
- Hayduck, M. (ed.) "Simplicii in libros Aristotelis de anima commentaria", *Commentaria in Aristotelem Graeca*, Vol. XI. Berlin: Reimer, 1882, pp. 1–329.
- Hett, W.S. (ed.) *Aristotle, On the Soul. Parva Naturalia. On Breath*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957.
- Herzberg, S. "Aristoteles über die Natur des Lichts", *Aristoteles: Parva naturalia. Akten der 18. Tagung der Karl und Gertrud Abel-Stiftung (vom 30. September bis 2. October 2015 in Mainz)*, hrsg. von J. Althoff. Berlin; Boston: De Gruyter 2021, S. 113–132.
- Hicks, R.D. (ed. and tr.) *Aristotle, De Anima*. Cambridge: Cambridge University Press, 1907.
- Huby, P., Steel, C., Urmson, J.O. & Lautner, P. (tr.) *Priscian 'On Theophrastus on Sense-Perception' with Simplicius 'On Aristotle On the Soul 2.5–12'*. London: Duckworth, 1997.
- Johansen, T.K. "Aristotle on the Sense of Smell", *Phronesis*, 1996, Vol. 41 (1), pp. 1–19.
- Johansen, T.K. *Aristotle on the sense-organs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Messiats, S.V. (tr.) "Aristotel', Ob oshhushhenii i oshhushhaemom" [Aristotle, On Sense and the Sensible], *Mera veshhej: chelovek v istorii evropejskoj mysli* [The Measure of things: Man in the History of European thought], ed. by G.V. Vdovina. Moscow: Akvilon Publ., 2015, pp. 530–582. (In Russian)
- Messiats, S.V. "Aristotel' o prirode tsveta" [Aristotle on the nature of colors], *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina / Bulletin of the Leningrad's Pushkin University*, 2013, No. 1 (2), pp. 28–39. (In Russian)
- Messiats, S.V. "Aristotelevskaja teorija oshhushhenija: konflikt interpretacij" [Aristotelian Theory of Sense Perception: Conflict of Interpretations], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [History of Philosophy Yearbook], 2017, No. 2017, pp. 5–20. (In Russian)
- Messiats, S.V. "Tri opredelenija cveta u Aristotelja" [Aristotle's three Definitions of Color], *Aristotelevskoe nasledie kak konstituirujushhij jelement evropejskoj racional'nosti. Materialy Moskovskoj mezhdunarodnoj konferencii po Aristotelju (Institut filosofii RAN, 17–19 oktyabrya 2016 g.)* [The Legacies of Aristotle as constitutive Element of European Rationality. Proceedings of the Moscow International Conference on Aristotle], ed. by V.V. Petrov. Moscow: Akvilon Publ., 2017, pp. 10–30. (In Russian)
- Messiats, S.V. "Kritika Aristotelem principa 'podobnoe poznaetsja podobnym'", *ΣΧΟΛΗ*, 2021, Vol. 15 (1), pp. 307–325. (In Russian)
- Neuhäuser, J. *Aristoteles Lehre von dem sinnlichen Erkenntnisvermögen und seinen Organen*. Leipzig: Koschny, 1878.
- Polansky, R. *Aristotle's De Anima: A Critical Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Popov, P.S. (tr.) "Aristotel', O Dushe" [Aristotle, On the Soul], in: Aristotle, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 369–448. (In Russian)
- Ross, W.D. (ed.) *Aristotle, De anima*. Oxford: Clarendon Press, 1961.
- Ross, W.D. (ed.) *Aristotle, Parva Naturalia*. Oxford: Clarendon Press, 1955.
- Shields, Ch. (tr.) *Aristotle, De Anima*. Oxford: Clarendon Press, 2016.
- Sorabji, R. "Aristotle on colour, light and imperceptibles", *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 2004, Vol. 47, pp. 129–140.
- Theiler, W. (Übers.) *Aristoteles, Über die Seele*. Berlin: Akademie-Verlag, 1959.
- Thurot, Ch. (ed.) *Alexandre d'Aphrodisias, Commentaire sur le traité d'Aristote De sensu et sensibili*. Paris: Impr. Nationale, 1875.
- Torstrik, A. (ed.) *Aristotelis De anima libri III*. Berlin: Apud Weidmannos, 1862.
- Towey, J.A. (tr.) *Alexander of Aphrodisias, On Aristotle On Sense Perception*. London; New York: Bloomsberry, 2014.
- Volkova, N.P. "Bezmyjannye zapahi: teorija obonjanija v 'Timee' Platona" [Unnamed Odours: the Sense of Smell in Plato's Timaeus], *ΣΧΟΛΗ*, 2020, Vol. 14 (2), pp. 709–727. (In Russian)
- Wendland, P. (ed.) "Alexandri in librum de sensu commentarium", *Commentaria in Aristotelem Graeca*, Vol. III (1). Berlin: Reimer, 1901, pp. 1–173.
- Wimmer, F. (ed.) *Theophrasti Eresii opera, quae supersunt, omnia*. Lipsae: Teubner, 1854.